

Едва Яо Цин услышала про Ладонь «Разящая Инь забирает жизнь», как её лицо исказилось. Эта техника поражала бесследно — прервать её можно было только сразу и то, не без труда. Но если ядовитая Инь проникнет в самые недра организма и вспыхнет — тогда становится слишком поздно.

Сначала Яо Цин была в ужасе, однако сумела быстро совладать с собой. Не теряя ни минуты, она полезла под кровать — за деревянной шкатулкой, где лежали бесчисленные пилюли и ценные лекарственные ингредиенты. Яо Хо откладывал их всю жизнь; изначально они предназначались Яо Чэню, однако сейчас Яо Цин было не до этого. Она подавила нараставшую панику, достала из шкатулки все целебные пилюли и травы и поочерёдно дала их Яо Хо. Но тот не мог их разжевать, поэтому Яо Цин сделала это за него, а затем запихала получившуюся кашицу Яо Хо в рот.

Вскоре лекарства подействовали и Яо Хо очнулся. Но теперь он был настолько слаб и немощен, что не мог произнести ни слова, только губы слегка шевелились; взгляд был затуманен и бессвязно блуждал вокруг. Вдруг изо рта полилась кровь... Он до того ослабел, что не хватало сил даже откашляться. Кровь собиралась во рту, в носу и, наполнившись до краёв, медленным потоком переливалась наружу.

— Скорее, переверни отца на бок! — ногти Яо Цин больно впились в ладони. — Я пойду молить старейшин, чтобы спасли. Оставайся тут и присматривай за отцом. Смотри, чтобы он не... из-за крови... в общем, будь осторожен.

Слова напрочь отказывались выходить из её уст. Взгляд заплыл слезами, но перед сыном она упорно не давала им волю; она неустанно напоминала себе, что сильная, что не может позволить себе отчаяться, какие бы тёмные времена не наступили.

Яо Чэнь бодро кивнул. Ладонь «Разящая Инь забирает жизнь» создана, чтобы убивать — ни одна обыкновенная пилюля не способна от неё избавиться. Только священные пилюли шестой и выше категории могут претворить чудо в действительность, но такое лекарство находится за чертой простых обывателей. В клане Яо пилюли пятой и ниже категории есть везде и во всех возможных количествах и качествах, но категории выше пятой — уже сокровища, которыми распоряжается только глава клана и верховные старейшины.

Яркие лучи солнца слепили глаза. Яо Цин с самого утра не ела ничего существенного, кроме пары простых булок, поэтому сейчас её голова слегка кружилась. К тому же, в горах она попала под сильный ветер — хотела потом расслабиться в горячей ванне, но вот как всё обернулось.

Она замотала головой, смахивая сонливость. Яо Хо служил в Железной гвардии более десяти лет и за усердие даже был вознаграждён лошадью; вдобавок, он был талантливым алхимиком четвёртого разряда со светлым будущим. Сейчас Яо Цин направлялась в резиденцию главы клана — тот обязательно протянет руку помощи, ведь в ином случае потеряет уважение остальных жителей клана.

Однако...

От судьбы не уйдёшь. Ничто не постоянно, ничего нельзя предвидеть.

— Глава клана отсутствует. Возвращайся.

— Отсутствует? — Яо Цин упала на колени как громом поражённая; на её лице проступили, смешавшись, отчаяние и страх. — Куда он ушёл?

Она начала молить привратника. Самое худшее из её опасений всё-таки подтвердилось.

— Хмпф, какая наглость! Думаешь, кто-то вроде тебя может о таком спрашивать? — стражник начал выходить из себя, посчитав, что ему не поверили.

Случилось так, что в это время рядом проходил старейшина Яо Лань. Заметив распростёртую на коленях Яо Цин, он поспешил узнать в чём дело.

— О, это вы, старейшина Яо Лань, не то чтобы я не могу ей помочь, но знаете, главы и вправду... нет на месте, — привратник стал заметно более почтителен. Но ни при каких обстоятельствах он не смел разглашать секретные дела клана.

— Всё в порядке. Возвращайся на пост, я займусь этим... Яо Цин, верно? Зачем тебе понадобился глава клана? — Яо Лань узнал мать Яо Чэня.

— Старейшина Яо Лань!.. — Яо Цин кратко пересказала события минувшего дня, не скрывая подробностей. — Сейчас его жизнь висит на волоске. Только священные пилюли шестой категории...

— Глава отсутствует, это правда. Но правда и то, что вместе с ним отсутствуют почти все верховные старейшины, — выражение лица Яо Ланя сделалось неприглядным. Именно сегодня вся верхушка клана отправилась провожать гостей из клана Оборотней.

Яо Цин побледнела; она верила Яо Ланю — тот когда-то обучал и её, — она понимала, что он честный человек и на него можно было положиться.

Яо Лань мысленно провёл расчёты: «Если послать письмо главе, то путь туда и обратно займёт не меньше двух дней, но у нас в запасе всего шесть часов — потом ядовитая Инь вспыхнет».

— Позволь мне осмотреть Яо Хо. Быть может, я сумею хоть на немного продлить ему жизнь.

В конце концов, Яо Хо был одним из учеников, которыми он гордился. Старейшина не был

настолько чёрств и бездушен.

Когда они прибыли к дому Яо Цин, и Яо Лань зашёл внутрь — он увидел кровать, а на ней замершего, словно труп, Яо Хо. Кровь по-прежнему стекала по подбородку, но теперь её цвет был не красным, а иссиня-чёрным.

— Скорее, помогите ему сесть! — Яо Лань спешно достал целебные пилюли. Некоторые из них были пятой категории: он не пожалел своих средств.

Однако загвоздка заключалась в том, что своими действиями он только отодвинул срок пробуждения ядовитой Инь, но никак не устранил первопричину.

Пускай Яо Лань занимал пост старейшины, он был всего-навсего старейшиной школы: до верховных старейшин ему было ещё слишком далеко. Поэтому неважно с какой щедростью он распоряжался своими пилюлями, пилюли шестой категории для него оставались недостижимы.

— Дело скверное, — Яо Лань внимательно считал пульс. — Эти пилюли продлят ему жизнь только на день, а больше принимать уже бессмысленно. Но, возможно, некоторые травы всё-таки выручат, — он огласил окончательный диагноз и записал какие именно это были травы. Но как ни старался, так и не смог уточнить насколько они редки и ценны.

Если описывать одним словом: недостижимы. Если двумя: никак недостижимы.

— Я пойду молить...

— Я останусь здесь, вы идите вместе, — сказал Яо Лань, устремив взгляд на Яо Чэня.

Яо Цин кивнула. Взяв Яо Чэня на руки, она чуть ли не бегом вышла из дома.

Яо Чэнь прижался к груди матери; ветер свистел в уши, подхватывал старые слёзы на щеках и уносил их вдаль. Как он ни силился, новых слёз не было.

Он хотел спросить у матери: всё ли с отцом будет в порядке?

Но никак не отваживался, в страхе, что мать придёт в глубокое отчаяние и сдастся. У неё и так было бледное лицо — впервые на памяти Яо Чэня.

Наконец Яо Цин прибыла к семье Цзо — известной семье влиятельных алхимиков, имеющую многовековую историю. Несколько выходцев этой семьи примкнули к рядам Железной гвардии и считались Яо Хо товарищами по оружию.

Именно поэтому семья Цзо приняла Яо Цин как уважаемую гостью. Ей подарили много природных материалов, среди них были и редкие, но нужных трав не нашлось.

Яо Цин не оставалось ничего другого, как уйти. Яо Чэнь молча за всем наблюдал.

После семьи Цзо Яо Цин отправилась в семью Ли. Там их встретили точно так же: выразили сочувствие и «помогли» ненужными травами. Глава семьи Ли участливо посмотрел на несчастного Яо Чэня:

— Госпожа Яо, мой вам совет, ступайте в сокровищницу. Травы, которые вам нужны, найдутся только там. Правда... вы и сами прекрасно знаете, кто заправляет этими материалами, — затем сказал им напоследок эти напутствующие слова, развернулся и ушёл.

Взгляд Яо Цин сверкнул. О чём-то задумавшись, она прикусила губу. Пускай необходимые травы были редки, но для клана Яо они, что пыль. Их точно можно было получить в сокровищнице. Правда, никому нельзя было оттуда что-то заимствовать без разрешения главы клана или верховных старейшин.

— Мы идём в главную ветвь.

Все без исключения сходились во мнении, что главная ветвь клана Яо невероятна и непостижима. Только члены главной родословной могли распоряжаться травами высших категорий, члены смешанных родословных же, даже появившись у них хоть один редкий материал, вынуждены были тут же сдавать его в сокровищницу. В обмен им выдавали очки заслуг или предлагали мощную технику Доу-ци.

Даже если такая семья сохранит подобное сокровище, оно станет тайной семейной реликвией. Сочувствие отражается сочувствием, но кому выгодно помогать безвозмездно? Таких людей с чувством долга крайне мало. Яо Лань — наглядный пример, но кем он был? Старейшиной при школе — низшим классом старейшин в клане.

Врата во владения главной ветви высились на три сотни метров. Все, кто жил по ту сторону, считались уважаемыми людьми и к ним было невероятно трудно подобраться. Для сравнения, когда Яо Цин и Яо Чэнь обращались за помощью к семьям побочных ветвей, их всегда встречали тамошние главы — в ином случае расценивалось бы как пренебрежение.

Но члены главной ветви представляли собой настолько отрешённых и важных людей, что они почти никогда не подпускали себе людей вне их элитного круга.

— Вымаливаете травы? Вы кто вообще такие? Глава семьи отсутствует, не мозольте глаза, — привратник дома главной ветви оказался ещё более властным и заносчивым, чем стражник резиденции главы клана.

Разумеется, Яо Цин прекрасно осознавала, с каким отношением ей придётся столкнуться.

— Прошу вас, я знаю, что третий брат дома, я хочу просто поговорить с ним.

— Хорошо... сейчас, я спрошу его, — привратник слегка насторожился, услышав про «третьего брата». Он даже забеспокоился, подумав, что она и вправду знакома с третьим юным господином.

Яо Чэнь продолжал тихо наблюдать. Пускай он был юн, он понимал, что это была их последняя надежда. Он крепко сжал маленькие кулачки.

Но вскоре из дома выбежал разъярённый привратник.

— Уходите! Третий юный господин сказал, что знать вас не знает и отчитал меня! Сейчас же уходите! — и со всей злостью хлопнул главной дверью прямо перед их носом. Но, видимо не успокоившись, хлопнул и второй, где-то на участке.

Яо Цин всё это время кусала губы; они направились к следующему дому.

Во втором доме... их встретили на удивление тепло и любезно. Привратник даже пригласил их на чай, но когда услышал причину их прихода, то тут же пошёл на попятную: «Хе-хе, сейчас в семье нет никого, кто бы удовлетворил вашу просьбу. Я всего лишь привратник, я не могу вам помочь, как бы того ни хотел... Я вас провожу.

Сердце Яо Цин сжалось, она тотчас преклонилась и безмолвно заплакала: с самого детства она стояла на коленях только перед родителями и во время важных церемоний.

— Не стоит, я не достоин, — привратник вздохнул, но упорно стоял на своём. Он снова повторил «я не могу помочь вам, как бы того ни хотел» и вежливо выставил мать с сыном за дверь.

Холодный ветер смахнул с дерева несколько листочков, и они плавно закружились в воздухе. Вот она, суровая действительность: если ты никто, то и обращаться к тебе будут соответственно. Природу человека ничто не превзойдёт.

Яо Цин мрачно улыбнулась.

— Чэнь-ер, идём домой.

Яо Чэнь стиснул зубы.

— Но мама... — голос мальчика ломался, как трещит костёр, когда в него кидают камни, — травы...

— Сначала вернёмся домой, там решим. Может, глава клана успеет вернуться до рассвета, — Яо Цин старалась говорить весёлым, ободряющим тоном.

— Хорошо, — нервы Яо Чэня были натянуты до предела. Но он был бессилен что-то изменить, да и не только он.

Мальчик понурил голову и увидел свой крохотный кулачок — в голову полезли всякие мысли: вот если бы он был сильнее, куда сильнее, чем сейчас, кто бы ему отказал? кто бы хлопнул дверью перед самым носом?

Яо Чэнь провожал взглядом особняки главной ветви. Небо над ними уже потемнело и внизу зажглись масляные фонари. В вечерних сумерках, под последними лучами закатного солнца, дома выглядели величественно и внушительно.

Мальчик сжал кулаки крепче, внутри него медленно зарождалось влечение: превзойти всех сверстников, вырасти сильным и могучим — настолько, чтобы никто не смел им пренебрегать и чтобы мама и папа гордились им.

Когда они добрались домой, старейшина Яо Лань плавил пилюли. Рядом с ним стояли Ло Бин и другие названные братья Яо Хо.

— Вы не смогли достать травы? Эх... — Яо Лань только закончил, из его котла в фарфоровую бутылку вылетели пять шариков. Он повернулся к Яо Цин и сказал: — С этими пятью пилюлями... он протянет до рассвета. Сейчас я дам ему одну, остальные пускай принимает каждые два часа... Я выслал почтового ястреба. Если судьба повернётся к нам лицом и глава клана успеет... Эх, я пойду, — старейшина покачал головой. Он сделал всё, что мог, но не хотел оставаться здесь до самого конца.

— Огромное спасибо вам, старейшина Яо Лань! Яо Цин будет помнить об этом до конца своих дней... Чэнь-эр, быстро поклонись старейшине! — и Яо Цин вместе с сыном совершили земной поклон. После всего пережитого, Яо Лань оказался тем, кто помог их семье больше всего. Признательность Яо Цин нельзя было передать словами.

Ло Бин и остальные также отбили поклон. Все ощущали абсолютное бессилие и обиду, но никто не был в силах помочь. У мужчин под коленями золото[1], если они преклоняются, то этому определённому служит какой-то особый повод.

— Хватит, хватит, что вы делаете?! Вставайте! Что? Мои слова для вас ничего не значат? Вы... — Яо Лань поднял Яо Цин. — Эх, Яо Хо когда-то был моим учеником, как я мог не помочь? Тем более, что сил моих оказалось недостаточно.

На последних словах старейшина беспомощно покачал головой, да так и ушёл.

Ло Бин и остальные встали. Воцарилось безмолвие. Пользуясь положением стражей Железной гвардии, они тоже вымаливали травы. И пускай они достигли бóльшего успеха, чем Яо Цин и Яо Чэнь, собранные целебные материалы сохранили бы Яо Хо лишь несколько минут жизни. Только благодаря усилиям старейшины их удалось превратить в пять мощных пилюль.

— Пожалуйста, возвращайтесь домой... Вашу помощь я запомню навек, — Яо Цин вздохнула, вымучила, наверное, самую безобразную улыбку в своей жизни и тихо засмеялась.

— Невестка[2]... — Ло Бин покачал головой. — Пойдёмте.

Все присутствующие ясно понимали в каком состоянии пребывал сейчас Яо Хо. Сердца каждого тянулись к цели (помочь), но ни у кого не было нужных средств. Самое адекватное решение сейчас — оставить Яо Хо наедине с семьёй.

Проводив Ло Бина и остальных, Яо Цин вернулась опустошённая. Она уже не выдерживала и давно превзошла свои возможности. Она присела на кровать подле Яо Хо и нежно взяла того за руку, её глаза заблестели. Невыразимая боль сковала её сердце: скоро её и её возлюбленного разделит смерть. Если бы не Яо Чэнь, Яо Цин последовала бы за мужем.

— Мама, не умирай! — вдруг полный тревоги голос Яо Чэня разрезал пелену, устлавшую образ её мыслей. Яо Цин пришла в себя и на её глазах навернулись слёзы.

— Мама не умирает, она в порядке... просто очень устала, — Яо Цин попробовала встать, но тело её едва слушалось. Однако перед Яо Чэнем она обязана быть сильной.

— Мама! — Яо Чэнь бросился к матери и схватился за её одежду.

Комната вновь погрузилась в тишину, но в этот раз спокойную, лишённую тревоги. За окном весело щебетали птицы. Яо Чэнь слышал ровное и размеренное дыхание отца. Только сейчас он понял истинное значение слов «столп семьи».

— Кх-кх... — вдруг послышался кашель.

— Папа! — Яо Чэнь резко поднял голову.

Яо Цин, преисполненная чувств, не смогла издать ни звука. Она тихо достала одну из пилюль и нежным движением положила её Яо Хо в рот.

— Пилюля Долголетия? — проглотив, спросил Яо Хо.

— Да... — взгляд Яо Цин снова заплыл, стоило только услышать голос любимого. Крупные слёзы хлынули из её глаз.

— Чэнь-эр, мама опять плачет? Я плохо вижу...

— Мама...

— Я не плачу. Ты когда-то обещал мне, что я никогда не буду лить слёзы, вот я и не плачу.

— Тогда хорошо... Чэнь-эр, ты сегодня тренировался?

— Я...

— Иди. И не приходи, пока не выполнишь полные десять обращений, — Яо Цин ласково погладила по волосам сына. Она поняла, что Яо Хо хочет поговорить с ней наедине.

Яо Чэнь твёрдо кивнул головой, хоть и не представлял почему его прогоняют, и ушёл заниматься на улицу.

Мальчик стоял на середине двора, смотрел на звёзды и луну; озябнув от холодного ветра, тело отозвалось дрожью, а сердце как будто пронзил внутренний холод — в глазах, в которых уже, казалось, не оставалось слёз, вдруг появились новые.

Смахнув слёзы, Яо Чэнь твёрдо сказал себе, что они станут последними в его жизни.

Яо Чэнь заставил себя собраться и погрузился в медитацию. Доу-ци потекла по каналам круг за кругом.

Когда половина обращений были выполнены, Яо Чэнь услышал, как стукнула дверь и раздались чьи-то шаги.

Очнувшись от медитации, он увидел перед собой мать, которая поддерживала едва стоящего на ногах отца. Яо Цин поманила рукой:

— Чэнь-эр, подойти к нам.

— Папа, мама.

Яо Хо протянул руку, осторожно опёрся ею на плечо Яо Чэня и сказал:

— Пойдём прогуляемся к Стеле Предков. Всей семьёй.

— Хорошо, папа.

Яо Цин развернулась. Поддерживая мужа, она направилась к главной площади. Яо Чэнь шёл за ними, по пути он слышал смех отца:

— Когда я только женился на тебе, я нёс тебя домой на руках. Теперь ты несёшь меня в дальний путь.

— Я запрещаю тебе говорить, — голос Яо Цин дрожал. Даже в такое время он находил в себе силы быть бодрым и болтливым.

Молча смотря в землю, Яо Чэнь шёл дальше. Каждый день он добирался этой дорогой в школу. Но никогда в жизни этот путь не был так тяжёл. Казалось, что ноги налились свинцом.

Вдруг шаги смолкли. Яо Чэнь поднял голову и увидел, что они пришли.

Стояла глубокая ночь. Главная площадь уже давно опустела. Где-то совершали обход дозорные; кто-то, возможно, только возвращался домой, — но их никто не потревожит, люди всё поймут.

Глаза Яо Хо вдруг зажглись, точно два факела, а сам он будто помолодел.

Яо Цин изменилась в лице — это был последний свет в ночи...

Яо Хо достал пилюлю и разом проглотил. В последние минуты жизни он стал подобен императору. Он освободился от поддержки Яо Цин и аккуратно, шаг за шагом, подобрался к каменному обелиску. Он прекрасно знал, откуда у него взялась такая сила. Он вытянул вперёд руку и дотронулся до холодной каменной поверхности.

— Чэнь-эр! — он вдруг развернулся. Его глаза заблестели — он пытался силой исправить раны, чтобы вернуть себе часть зрения.

— Папа.

— Ты знаешь, что это?

— Да, знаю...

— И что же? — Яо Хо хотел услышать от сына название.

— Это Стела Предков.

— Громче!

— Стела Предков!

— Хорошо, очень хорошо... Чэнь-эр, твоя любовь и любовь твоей мамы заставила меня понять, что я прожил жизнь не напрасно. Моё единственное огорчение, что я не успел вписать сюда своё имя. Если человек при жизни был героем, то после смерти останется призраком в памяти других. Чэнь-эр, я передаю тебе моё влечение, мою мечту. Раньше, мой дедушка передал это моему отцу, а тот — мне... — голос Яо Хо становился тише и тише. Вдруг его ноги подкосились, и он рухнул на землю. Опёршись спиной к монументу, он тихо сидел. Блеск в его глазах быстро терялся: ядовитая Инь пробуждалась.

— Папа! — Яо Чэнь бросился к отцу и обнял его. В душе он вдруг явственно осознал: наступили последние минуты жизни.

— Я устал. Дай мне отдохнуть, хотя бы чуть-чуть, — грубые руки Яо Хо в последний раз потянулись к лицу сына, его глаза оставались закрыты. Вдруг он как будто что-то вспомнил, его губы слегка разомкнулись, и Яо Чэнь придвинулся поближе.

— Чэнь-эр, — Яо Чэнь сумел разобрать едва слышимый голос отца, — мама не хотела ударить тебя. В будущем, всегда слушайся её и заботься... — слова становились всё более непонятными, пока и вовсе не иссякли.

Яо Чэнь кивнул, словно от этого зависела его жизнь.

— Я буду, точно буду.

Взошло солнце.

Отец замер в неподвижности, точно статуя. Яо Чэнь более не слышал его дыхания.

К горлу подступила кровь...

Взгляд Яо Чэня потемнел, Доу-ци взбесилась...

Прозвучал слышимый треск; энергия взмыла, разошлась мощными волнами силы. Царство Ученика семи звёзд, восьми звёзд, девяти...

Черты лица Яо Цин исказились.

— Чэнь-эр, не-е-е-ет!!!

Она опрометью бросилась к сыну и прижала ладонь к его груди, пустив запечатывающую энергию. У неё не осталось времени горевать. Столь внезапный и ненормальный прорыв Яо Чэня точно не сулил ничего хорошего.

Сродни тому, как демоническая энергия овладевает телом, так и подобный резкий скачок силы уничтожает внутренний талант.

Счастье не повторяется, а несчастье не ходит в одиночку.

Время — лучшее лекарство.

[1] 膝下黄金 — буквально «у мужчин под коленями золото» — значит, что настоящий мужчина никогда ни перед кем не преклонится.

[2] Жена брата, но в данном случае жена названного брата.

<http://tl.rulate.ru/book/5484/1471016>